

*Дэвид Герберт  
Лоуренс*

Дэвид Герберт Лоуренс

# СУМЕРКИ ИТАЛИИ



Колибри

Москва

УДК 82-94  
ББК 63.3  
Л 81

David Herbert Lawrence  
TWILIGHT IN ITALY  
Sketches of Etruscan Places and other Italian essays

Перевод с итальянского Аллы Николаевской

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрации Джузеппе Примоли, Джорджио Зоммера и других

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-26860-9

© А. Г. Николаевская (наследник), перевод,  
комментарии, 2024  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательская Группа  
„Азбука-Аттикус“», 2024  
Издательство КоЛибри®

# СУМЕРКИ ИТАЛИИ

## Распятие в горах

Императорская дорога в Италию идет от Мюнхена, через Тироль, мимо Инсбрука и Базеля до Вероны, через горные перевалы. Этим путем двигались торжественные процессии, когда императоры направлялись на юг или возвращались домой из цветущей Италии к себе в Германию.

Интересно, наложило ли отпечаток имперское высокомерие на душу немца? Стали ли германские короли наследниками погибшей Священной Римской империи? Хотя она была не совсем настоящей империей, ее название звучало величественно и красиво.

Может, немецкому характеру досталась по наследству некоторая *Größenwahn*?<sup>1</sup> Если бы нации осознавали тот факт, что они обладают определенными, присущими именно им чертами, если бы они могли понять и принять особенности характера другой нации, насколько проще стала бы наша жизнь!

Императорская процессия теперь уже не пересекает горы, направляясь на юг. Те времена почти стерлись из памяти, да и об этой дороге почти забыли. Но она сохранилась, а вдоль нее по-прежнему стоят ее главные опознавательные знаки.

---

<sup>1</sup> Мания величия (нем.).

Распятия у дороги — это не просто ее приметы, в них заключен особый смысл. Императорские процессии отправлялись в путь, получив благословение папы, их сопровождали архиепископы, они-то, наверно, и водружали эти священные символы, будто сажали растения в горах, чтобы они там росли и размножались, в согласии с почвой, в которую попадали, и нравом местных жителей.

А когда оказываешься в баварских высокогорных лугах, очень скоро начинаешь понимать, что ты очутился в других землях и там исповедуют другую религию. Это иная, чужая страна, замкнутая и непонятная. Может, она по-прежнему принадлежит временам забытых императорских процессий?

Пока путник едет по открытым дорогам, ведущим к горам, он вряд ли обращает внимание на распятия и фигуру Христа. Просто в нем они не пробуждают интереса. Само по себе распятие — всего лишь фабричный кусок дерева, запечатлевший чье-то сентиментальное чувство. Душа не откликается на это.

Но постепенно распятия, неясно прорисовывающиеся одно за другим вдоль дороги, укрытые навесами, создают вокруг непривычную атмосферу окрест, ощущение темноты, тяжести, нависшей в воздухе, неестественно ярком и прозрачном, отражающемся в снегах, покрывающих вершины гор, создают ощущение темноты, давящей на землю. Какой тут прозрачный, неземной, льющийся с гор свет, играющий удивительными переливами! Тут и там на повороте открытой, поросшей травой дороги возникает распятие, затаившее под своим остроконечным навесом тень и тайну.

Меня оглушило это чувство, когда однажды вечером я шел один по болотистой местности вдоль подножия гор; небо было бледным, неземным, невидимым,

а горы почти черными. На перекрестке стояло распятие, в ногах Христа лежал пучок увядших маков. Я увидел сначала маки, потом — Христа.

Старая деревянная скульптура, напоминающая крестьянина-баварца. Христос был крестьянином, жителем предгорья Альп. Широкие скулы, крепкие руки и ноги. Простое, невыразительное лицо, обращенное к горам, шея напряжена, словно он сопротивлялся этим гвоздям и кресту, но не смог избежать своей участи. Человек, чей дух стремились сломить, но он не покорился неволе и бесчестию. Мужчина средних лет, простой, грубый, крестьянской породы, в нем присутствовало внутреннее благородство, не позволившее его душе покориться обстоятельствам. Простой, бесхитростный душой крестьянин средних лет, распятый на кресте, сопротивлялся, хотя и был не в силах изменить свой тяжкий удел. Он не сдался. Его душа не сломалась, его воля не изменила ему. Он остался верен себе, несмотря на жестокие испытания, на погубленную жизнь.

С другой стороны болота светился крошечный, цвета апельсина квадратик окошка фермерского дома под низкой крышей. Я запомнил, как мужчина с женой и детьми работали до темноты: молчаливые и сосредоточенные, они носили охапками сено и прятали его от грозы под навес.

Тело гнулось вперед, к земле, почти складываясь в кольцо, руки обхватывали мягкое сено, прижимая его тесно к груди и животу, оно кололо руки и грудь, наполняло легкие дремой высушенных трав, дождь тяжелыми каплями падал на плечи, и мокрая рубаха прилипала к горячий, жесткой коже, капли несли тяжелую, приятную прохладу, незаметно струйками бежали к чреслам. Вот что такое крестьянин — жаркая



неразбериха физических ощущений. И все это действует как хмель. Хмелеешь почти как от наркотика, как от сильнодействующей таблетки, когда под дождем собираешь в охапку сено и тащишь его под навес, спотыкаясь в густой траве, а потом с облегчением бросаешь его там в копну, радуешься свободе и свету под сухим навесом, а потом возвращаешься под ледяной проливной дождь и снова наклоняешься, а потом снова распрямляешься и снова возвращаешься с ношей.

Постоянный жар и восторг плотских ощущений, благодаря чему твое тело полнится энергией и в голове пульсируют жар и дурман. Но этот дурман, этот жар физического труда постепенно превращаются в подневольный труд и в конце концов становятся твоим распятием. Этот поток плотских ощущений и составляет смысл жизни крестьянина. Но он сводит его с ума, ибо спасения от него нет.

А над головой — постоянное странное сияние гор, рядом — тайна льдистой реки, мчащейся по розоватым отмелям в темноту пиний, в воздухе постоянный тихий звон льдинок и сиплый рокот воды.

Лед и сияние снегов на вершинах гор великолепны в своей вечной неподвижности на фоне движения и теплоты жизни. Там, наверху, они вторгаются в пределы жизни, в пределы мягкого, влажного огня крови. А потому человек обречен жить под лучами самоотрицания.

Жители баварского высокогорья — мужчины и женщины — отличаются непривычной, чистой красотой форм. Они крупные, красивые, простые, взгляд голубых глаз пронизателен, зрачок маленький, напряженный, радужная оболочка яркая, словно резкий свет, играющий на голубом льду. Их крупные, полные руки и ноги, прямые спины красиво, отчетливо вылеплены,



формы четкие, словно эти люди отделились полностью от суеты жизни, обретя неизменяющиеся контуры, точно под резцом скульптора. Там, куда они ступают, все отходит на задний план, как в чистом морозном воздухе.

Секрет их красоты именно в том и заключен, что они пребывают в этой странной, полной изоляции, словно каждый из них стремится еще больше, полностью отделиться от своих собратьев.

И при этом они веселы и общительны, они, по существу, единственный народ с душой художника. Они по-прежнему разыгрывают мистерии, обладая врожденным даром актеров, поют диковинные песни на горных лугах, ухаживают за своими девушками, нячат своих детей; их торжественные шествия и религиозные фестивали удивительно красочные, торжественные и самозабвенные.

Это народ, которому подвластны самые сильные проявления мистического, чувственного восторга. Каждый жест — органичен. Каждая фраза — преисполнена символического смысла.

Познание им дает чувственный опыт, думают они с помощью мифа, драмы, танцев и песнопений. Все в них кипит кровью и ощущениями. Разум не нужен. Разум подавлен физическим жаром, он не вычленен, он покорен.

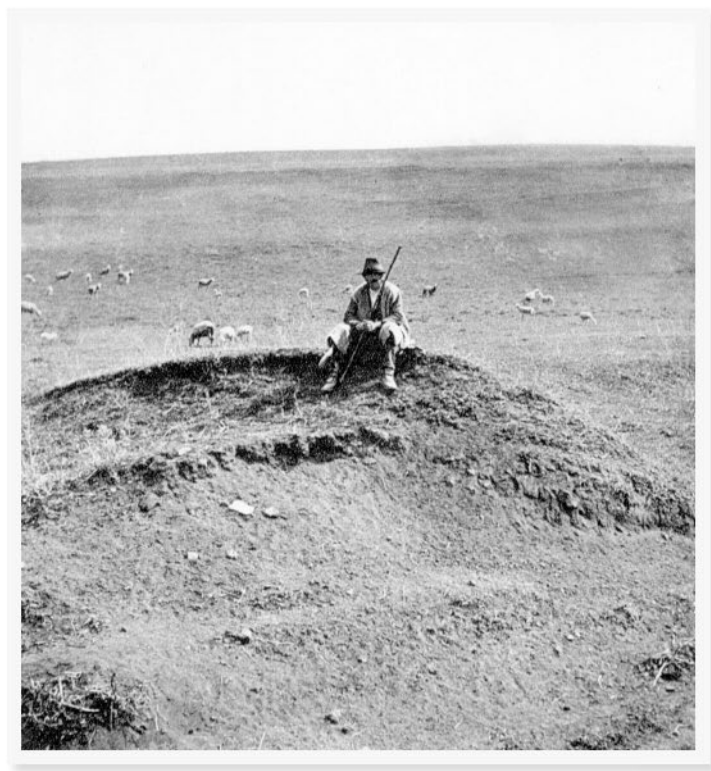
И в то же самое время наверху — постоянное, вечное, все отрицающее сияние снегов. Внизу — жизнь, жаркая пульсация крови, выбравшей свои правила игры. А наверху — сияние неизменного небытия. И жизнь переходит в это извечное сияние. Лето и буйное сине-белое цветение земли иссякает в труде и иступленном восторге человека, исчезает, переходит в сияние, льющееся с небес, в сияющий холод, который

ждет, когда вернется к нему все, пережившее мгновение бытия.

Смысл этого абсолютно ясен. У крестьянина нет выбора. Судьба ведет его постоянно, озаряет его светом вечного, не поддающегося осознанию небытия. И такова наша жизнь — смесь труда и теплого опыта нашей плоти, она постоянно стремится вверх, к неизменному сиянию в небесах, к свету вечных снегов. Таков этот непреходящий смысл.

И что бы ни делал человек — пел, танцевал, участвовал в представлении, занимался любовью, мстил или проявлял жестокость, что бы то ни было — труд, печаль, религия, — конечный смысл неизменен — переход в сияющее отрицание вечности. Отсюда красота и совершенство, законченность облика крестьянина-горца. Его фигура, руки и ноги, лицо, движения — все совершенно и красиво. Нет и тени сомнений, надежды, ожидания завтрашнего дня, всё уже есть — отныне и во веки веков. И это извечно, неподвластно времени, неизменяемо. Все сущее и преходящее — частица вечного и постоянного. А потому здесь нет будущего или прошедшего. Все здесь сущее — отныне и во веки веков. Этим и объясняется красота, завершенность и изолированность от другого мира баварского крестьянина.

И в распятии это нашло простое выражение. В деревянной скульптуре заключен смысл бытия. Лицо простое и суровое, почти невыразительное. И понимаешь, сколь неизменны и традиционны лица мужчин и женщин, жителей этих краев, — они красивы, но статичны, как выражение чистой формы. В лице Христа кроется еще злость простолюдина. И это тоже часть красоты — чистой, пластичной красоты. Тело Христа напряжено и выполнено в тех же традици-



ях, хотя необычайно красиво благодаря пропорциям и статичному напряжению, объединяющим его в гармоничное целое. Никакого движения, ибо движение невозможно. Бытие предопределено, оно конечно. Его тело замкнуто знанием, и потому оно красиво и совершенно. Он неотделим от этих гвоздей. Нет, он не чахнет и не умирает. Он воплощение упорства, ибо осознает свое безоговорочное бытие, он уверен в абсолютной реальности своего чувственного опыта. И хотя тяжкий жребий сокрушил его, вопреки этому жребию он сохранил силу и восторг чувственного опыта.



И он одинаково приемлет и свою судьбу, и тот мистический восторг, что дарован ему его чувственным опытом, он — само совершенство. Его чувственный опыт представляет собой нечто высшее — это одновременное пресуществование жизни и смерти.

И так было всегда: когда он шел с косою вдоль склонов холмов, пилил бревна, сплавливал плот по реке, сверкающей льдинками, пил в Gasthaus<sup>1</sup>, занимался любовью, качал младенца, пылал к кому-то неистребимой, жестокой ненавистью, преклонял колени в благолепном порыве в храме, пропахшем ладаном, шел в темной толпе незнакомых людей в поля, чтобы читать литании об урожае, рубил молодые березки для праздника Frohenleichnam<sup>2</sup>, — его неизменно переполнял темный, мощный, мистический, чувственный опыт, а он, ни о чем не думая, был частицей в абсолюте мироздания этого неизменного, великого, ледяного небытия, который извечно пребудет над нами, который и есть высшая сила.

Я двигаюсь дальше, по направлению к Австрии, поднимаюсь вверх по течению реки Изар; потом ее берега становятся уже, а она меньше, воды ее белее, а воздух холоднее, передо мной — северные горы во всем своем великолепии, они дивно сияют, переливаются всеми оттенками радуги от растущих здесь цветов; потом сияние блекнет и уступает мраку, ощущению чего-то зловещего. Я поднимаю голову и вижу еще одного маленького Христа, он средоточие, душа этого места. Дорога идет вдоль реки, по которой плывут снежные льдинки-пузыри, с другой стороны возвышаются скалы и высокие, хищные пинии, растущие

---

<sup>1</sup> Гостиница (нем.).

<sup>2</sup> Тело Христово (нем.).

среди розоватых отмелей. Воздух холодный, суровый, разреженный, все пронизано холодом, изолировано друг от друга. И в маленьком стеклянном ящике возле дороги — еще один маленький деревянный Христос: он сидит, склонив голову на руку, он о чем-то упорно думает, он утомился от своих печальных мыслей, брови приподняты, локтем он опирается о колено. Он унесся в своих мыслях куда-то, мечтает о чем-то, на нем маленькая золотая корона из терновника и маленький плащ из красной фланели, его сшила для него какая-нибудь крестьянка.

Не сомневаюсь, он и сейчас сидит там — маленький Христос с простым лицом, в плаще из красной фланели, он думает о чем-то, думает упорно, настойчиво. В его облике задумчивость и печаль, словно он понимает, что ему не под силу осмыслить происходящее в мире. Нет решения и в смерти. Смерть не дает ответа на тревогу души. Как есть, так есть. И если что-то отринуть от себя, оно не перестанет существовать. Смерть не способна сотворить или разрушить. Как есть, так есть.

Маленький задумчивый Христос знает это. Так о чем же в таком случае он размышляет? В его неизменном терпении и упорстве сквозит мудрость. О чем же он печалится, хотя пока что его удел представляется мирным и безмятежным? «Быть или не быть?» — может, этим вопросом задается он, но смерть не даст на него ответа. Это не вопрос бытия или небытия — «быть или не быть». И не вопрос — держаться за жизнь или нет, терпеть все или нет. Главное — извечное небытие, а если это не так, то что тогда бытие? Над головой неизбывное сияние снегов, вбирающее в себя цветение всего живого, сияние постоянное, яркое и бессмертное, снежное небытие. Так что тогда бытие?

Чем ближе подходишь к перевалу Альп, к самой высокой точке, чтобы потом спустаться по южному склону гор, тем больше снова ощущаешь влияние цивилизованного мира. Бавария — край глухой, словно ее дух остался нетронутым. Ее распятия — старые, серые, абстрактные, маленькие, будто зерна истины. А в Австрии они уже другие — новенькие, выкрашенные в белый цвет, больше размерами, больше бросающиеся в глаза. Они несут на себе печать более поздней, новой эпохи, они более погружены в себя. И тем не менее они — истинное выражение души народа.

Часто можно обнаружить руку мастера, его особый дар. В долине Земм, в сердце Тироля, позади Инсбрука, есть пять или шесть распятий, сделанных одним скульптором. Это уже не крестьянин, старательно вырезающий условный образ, воплощающий идею, догму. Это художник, обучавшийся искусству, имеющий свои представления о творчестве — может, даже работавший в Вене. Он обдуманно стремится передать чувство, он не старается неуклюже выразить истину, религиозную идею.

Самое главное его распятие стоит далеко в Кламме, в сыром ущелье, где всегда сумрачно. Дорога бежит вдоль склона гор, мимо деревьев, они тянутся вдоль дороги на протяжении половины пути. А внизу ручей шумно перекатывается через огромные валуны, шум этот не прекращается. Гора напротив вздымается вверх, в высокое небо. Кажется, что идешь в темноте. В подземелье. А чуть ниже дороги, там, где вьючные лошади карабкаются по тропе в дальние заброшенные деревеньки, в хладном мраке проступает большой бледноликий Христос. Он выше человеческого роста. Он падает вперед, уже мертвый, распяты на кресте руки



прогибаются под весом его мощного тела. Мертвое, тяжелое тело кренится вперед, провисает, словно сейчас сорвется с гвоздей и рухнет под тяжестью своего веса.

Это конец. На лице маска смерти, оно измучено, искажено болью и страданием. Уродливый, чувственный рот закрылся навеки, его сомкнула печать разочарования. Смерть — это окончательное разочарование, она легла печатью на тело и душу, на страдания, немощь и страсти бытия.

Дорога мрачная и сырая, вода беспрерывно шумит, так громко, что превращается в непрестанную боль. Мужчина, который ведет вьючную лошадь, приближаясь по узкой тропе с одной стороны ущелья к большому бледному Христу, старается стать незаметным, спрятать свое благодушие, он снимает шапку, проходя мимо распятия, правда при этом смотрит в сторону. Он ускоряет шаг, лицо его мрачнеет, он торопится следом за своей лошадью по каменистой тропе, а над ним нависает большой белый Христос.

Мужчина, который ведет вьючную лошадь, испуган. Страх постоянно сидит в нем, хоть он на вид крепкий здоровяк. Душа его не столь прочна. Она сжалась от страха. Над головой — темные горы, а внизу во мраке гремит ручей. Сердце его бьется в тисках ужаса. И когда он проходит мимо распростертого Христа, он снимает шапку перед Повелителем Смерти. Христос мертв, он — воплощение Смерти.

А мужчина видит в этом мертвом Христе Всевышнего. Крестьянина-горца придавил страх, страх смерти, физической смерти. Больше он ничего не ощущает и не знает. Самое сильное чувство, которое знакомо ему, — физическая боль, ее самое сильное проявле-

ние. А ее апогей — в смерти. Поэтому он преклоняется перед ней, обожествляет, она завораживает его. Смерть — завершение его пути, он приближается к ней, претерпевая физическую боль.

И эти памятники физической смерти можно увидеть повсюду в долине. Чуть подальше, в конце моста, стоит маленький Христос, вырезанный тем же мастером, что и большой. У этого Христа — красивая борода, он сухощав, а потому тело его не обвисает, не в пример тому большому, мрачному и красивому. Но в нем, как и в другом, — торжество смерти, окончательной, отрицающей все смерти, столь завершенной, что она превращается в символ, абстракцию, преодолевающую грубую откровенность самой смерти своей бесповоротностью.

Повсюду одержимость фактом физической смерти, боли, несчастного случая, внезапной смерти. И где бы злой рок ни настиг человека, возвышается небольшой памятник этой трагедии как жертвоприношение Господу боли и смерти. Вот человек стоит по пояс в воде, воздев руки к небу, скоро вода поглотит его. Эта маленькая картинка в деревянной рамке прибита к дереву: тут когда-то произошел несчастный случай. А вот другая картинка, прикрепленная к скале: дерево, упавшее на ногу человека, сломало ее, вокруг — кровь. И во всем — сгусток тоски и страха, во всех этих картинках, прикрепленных там, где произошло несчастье.

Это преклонение, обожествление смерти и знаков смерти, физического насилия, боли. В этом есть нечто грубое и злое, почти как в греховности, это одна из форм извращения, возвращающая нас вспять.

Большая дорога, ведущая на юг, императорская дорога в Рим, огибает горный хребет — и здесь все по-

другому. Образы Христа становятся очень разными, но все выполнены в реалистической манере. Один — весьма изящный, он причесан, вид у него почти фатоватый (хотя он и распят на кресте), такое впечатление, что скульптору позировал сын Габриеле Д'Аннунцио, изображая святого великомученика. Образ Христа-страстотерпца выполнен в традициях глубочайшего преклонения перед его мученичеством. Очень важно, что он столь утончен и изящен, это чисто австрийская особенность. Можно вообразить себе, как этот юноша выполнял столь суровую и непривычную роль, чтобы поразить воображение впечатлительных дам. Скульптура вполне отвечает венскому духу. В ней заключены некие смелость, задор. Гордость человека, победившего все тяготы своего положения. Гордость и удовлетворение, выраженные в ясной, изящной форме, — тщательно причесанные волосы, элегантная одежда куда важнее, чем смерть и страдания. Может, это покажется вам глупым, но это в то же самое время очень притягательно.

Сама идея распятия, чем дальше вы продвигаетесь на юг, становится все более сентиментальной и инфантильной. У деревянных образов Христа воздеты к небу лица, закаченные глаза — все это вызывает жалость и сострадание, манерой исполнения они напоминают Гвидо Рени<sup>1</sup>. Они — воплощение патетики. Они смотрят в небеса, но думают о себе, сочувствуют и страдают сами себе. Другие распятия тоже очень красивы, словно элегии. Перед вами мертвый

---

<sup>1</sup> *Гвидо Рени* (1575–1642) — итальянский живописец болонской школы, склонный к «добродушной сентиментальности» (по словам А. Бенуа), некоторой приторности и излишней идеализации.



Гиацинт<sup>1</sup>, его подняли в воздух, чтобы им, таким прекрасным мертвым юношей, вы могли любоваться. Молодое тело мужчины поникло на распятии, словно мертвый цветок. Такое впечатление, что истинная красота его — в смерти. Как прекрасна смерть, как впечатляющая, истинна, лишь она способна принести радость! Подлинный элегический дух.

Потом встречаются изображения обычного, фабричного производства Христа, они малозначительны. Они невыразительны (такие же мы встречаем в Англии), на них печать грубой безликости. Но на этих распятиях — алые пятна, красный цвет крови, что поражает вас.

После Бреннера мне попадались лишь грубые, примитивные распятия или такие, что оставили неизгладимое впечатление. На груди и коленях Христа — раны, из которых льется алая кровь, падая каплями вниз, иногда распятое тело превращено в нечто уродливое, состоящее из красных и белых полос, в немощное тело, испещренное красными полосами.

На поворотах дороги тут красят горы: синее с белым кольцо указывает на путь к Гинзлингу, красное — к Святому Якову. И путник идет или к сине-белому кольцу, или к трем сине-белым полоскам, или к красному пятну. И красный цвет на скале, пятна красной краски — те же самые, что на распятиях, так что красный цвет на распятии воспринимается всего лишь как краска, а знаки на горе — как кровь.

Я запомнил маленького задумчивого Христа возле реки Изар — укрытого плащом из алой фланели,

---

<sup>1</sup> *Гиацинт* (Гиацинф) — в греческой мифологии сын спартанского царя Амикла, правнук Зевса и любимец Аполлона, нечаянно им убитый.

Лоуренс Д. Г.

Л 81 Сумерки Италии : путевые заметки, эссе / Дэвид Герберт Лоуренс ; пер. с ит. А. Николаевской. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2025. — 384 с. : ил. + вкл. (16 с.).

ISBN 978-5-389-26860-9

Автор таких знаковых романов XX века, как «Влюбленные женщины», «Радуга», «Любовник леди Чаттерли», Дэвид Герберт Лоуренс много ездил по Европе и Американскому континенту, был в Австралии и на Цейлоне. Его записи об этих путешествиях обладают одновременно исторической ценностью и магией индивидуального впечатления тонко чувствующего, талантливого и пронзительного человека.

«Сумерки Италии» — это не просто путевые заметки писателя. Страстность, поэтичность слога, искреннее восхищение и глубокий взгляд на людей и происходящее с ними превращают эти записи в уникальное художественное высказывание о времени и вечности, о религии, истории, природе и архитектуре.

Как и в своих знаменитых романах, в описании путешествий Лоуренс углубляется в темы чувственности и духовности, противопоставляя телесность итальянской жизни ее философским глубинам и предлагая читателям увидеть страну, стоящую на пороге одного из самых мрачных периодов своей истории. Повествование начинается с медитативного созерцания Баварского нагорья и его многочисленных придорожных распятий — символов культурной и духовной истории региона, крепко связанного идеологией смерти и выносливости, и устремляется в страну солнца, вневременной красоты и беспечной печали — такой предстает Лоуренсу Италия. В ярких образах и богатых описаниях он передает свои впечатления от общения с местными жителями и их обычаями, его взгляд в полной мере отражает сложную связь между сиюминутным человеческим порывом и вечной красотой, сияние которой придает обыденным вещам сакральный смысл.

Помимо знаменитого сборника эссе об Италии в настоящую книгу вошли также зарисовки Лоуренса о культуре этрусков, которая его чрезвычайно интересовала и привлекала. В оформлении издания использованы фотографии и живописные работы, синхронные записям Лоуренса и запечатлевшие Италию первой четверти XX века.

УДК 82-94  
ББК 63.3

ДЭВИД ГЕРБЕРТ ЛОУРЕНС  
СУМЕРКИ ИТАЛИИ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская  
Художественный редактор Егор Саламашенко  
Технический редактор Мария Антипова  
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова  
Корректоры Валерий Камендо, Анастасия Келле-Пелле

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.11.2024.  
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.  
Усл. печ. л. 21 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака Колибри®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — Колибри® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үйі, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін  
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:  
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)  
Ақпараттық өнім белгісі  
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



Отпечатано в Публичном акционерном обществе  
«Можайский полиграфический комбинат»  
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.  
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

